

систематизировав формы организации досуга профессорских семей, как типичные для зажиточной городской среды рубежа XIX–XX вв., так и характерные исключительно для университетского круга общения, исследователь показывает, что в университетской среде было типичным восприятие свободного времени как продолжения научной и общественной деятельности, частной жизни — как второстепенной по отношению к публичной.

Таким образом, монографическое исследование Л. А. Бушуевой содержит взвешенный, глубокий анализ повседневности профессионального сообще-

щества казанских профессоров второй половины XIX — начала XX в. Выводы, сформулированные в исследовании, строго аргументированы, подкреплены богатым материалом источников и складываются в целостную авторскую концепцию. Учитывая все это, можно с уверенностью заключить, что новая книга по истории университетской повседневности Казани вполне удалась и будет интересна даже требовательному читателю. Она, безусловно, вносит заметный вклад в развитие этой области современных исторических исследований.

Ольга Леонтьева,
доктор исторических наук

О монографии С. В. Щербакова и не только о ней

Монография С. В. Щербакова «Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект» включает в себе значительную новизну в изучении национального движения чувашского народа. Автор во многом отходит от своих предшественников, представляющих это движение как копирование многих элементов национального движения других, в том числе и соседних народов.

Разумеется, трудно представить национальную историю без взаимовлияния и взаимозависимости с историей других народов, тем более тех из них, кто имел определенные общие корни. С. В. Щербаков, можно сказать, в полной мере учел и это обстоятельство. Однако в его задачу входило выявление и изучение того национально-особенного, которое характеризовало историю чувашского народа. И, прежде всего, это касается устройства внутренней жизни чувашей. Причем исследователь не ограничился лишь территорией современной Чувашии и Волго-Уральского региона, а охватил территорию расселе-

ния народа от Финляндии до Северного Кавказа. Это позволило С. В. Щербакову установить общее и территориально особенное в жизни чуваш, особенно в годы российских революций.

Хотя автор обозначил хронологические рамки исследования началом XX в., он фактически охватил весь период национальной жизни чувашей с древнейших времен. Такой работы до сих пор не было. Сквозное изучение проблемы позволило автору не только проследить изменения в устройстве национальной жизни в разные периоды истории, но и показать становление таких черт чувашского национального характера, как целеустремленность, верность традициям, сплоченность, которые в наиболее яркой форме проявлялись в трудные для народа времена.

В центре исследования — история чувашской общины, как основы физического выживания и сохранения национальной идентичности, дошедшей до 20-х гг. XX столетия.

Общинное устройство сельского населения было характерно не только для чувашей, но и для других народов. Одна-

Щербаков С. В. Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект. — Чебоксары: Новое Время, 2013. — 175 с.

ко чувашская община имела склонность к разрастанию и состояла из многих деревень, число которых порой превышало 20 населенных пунктов. Это была, как доказывает С. В. Щербаков, своего рода федерация. Такого, пожалуй, не было ни у одного другого народа.

Чувашская община зародилась еще в кочевые времена, получила развитие в Булгарском государстве, Золотой Орде, Казанском ханстве. В ряде случаев она осуществляла государственные функции, улаживая конфликты между крестьянами, решая спорные вопросы, таким образом реализовывала себя как судебная власть.

Общинная федерация во многом была помехой экономического развития. Но важно было то, что она сплачивала народ в борьбе против всякого рода притеснений, способствуя укреплению национального духа. Прав С. В. Щербаков, делая из этого вполне обоснованный вывод о том, что основным мотивом слияния нескольких деревень в общину являлось «стремление не к эко-

номическим преимуществам, а к культурному и национальному единству», определявшееся самими народными низами. Чем больше членов общины, тем национально-представительней был их голос. С таким выводом автора трудно не согласиться. Правда, он прилагает его только к периоду российской истории народа. Однако, наверное, он применим и к более раннему периоду. Ибо власть (будь то ханская или местная) была всегда, как существовали и определенные противоречия между ней и обществом. Другое дело, что в условиях существования под властью Российской империи эти взаимоотношения доходили до вооруженного противостояния. Общинное устройство жизни позволяло быстро собрать и организовать нескольких тысяч людей для отпора правительственным вооруженным силам. С интересом читаются страницы книги, посвященные крестьянским восстаниям. Богатый материал о них предлагает советская историография. Однако историки «вычистили» упоминания о национальных требованиях чувашского крестьянства. А ведь они были более всего направлены на сохранение национальной самобытности чувашского народа.

С федеративно-общинным устройством чувашской жизни С. В. Щербаков соотносит самостоятельное зарождение в среде чувашей идеи экстерриториальной культурно-национальной автономии. Это весьма интересное положение, которое также заслуживает дополнительного подкрепления. Оно связывает возникновение идеи национально-культурной автономии у чувашей с самим народом, которого к этому подвела собственная история.

Автор специально изучил степень эффективности общинно-федеративного устройства в сохранении национальной идентичности. Вполне понятно, что никакая внутренняя самоорганизация, несмотря на прочность ее устоев, не в состоянии противостоять разностороннему давлению государственной машины. Приходилось уступать ряд важных позиций, однако сохранив при этом весьма важные элементы национальной идентичности. Так, экс-

пансия православной церкви, поддерживаемая силой государственной власти, заставила народ отойти от религии отцов и перейти в православие. Но борьба не прекращалась и в новых условиях. Были предприняты попытки использовать и эту религию для отстаивания автономной жизни чувашей, более того — объединения в масштабе всей страны. С. В. Щербаков рассматривает эту борьбу через деятельность И. Я. Яковлева, стремившегося превратить чувашскую школу в Симбирске в центр культурного сплочения народа на основе православия, чтобы оттуда «как лучи солнца, расходились по всем сельским местностям, где живут чуваша, благодетеля русско-христианской культуры».

Деятельность Яковлева, как отмечает С. В. Щербаков, была противоречивой. И это правда, поскольку в советское время она идеализировалась. И потому вряд ли ее можно оценивать как некий прорыв, благодаря которому «сложилось чувашское национальное движение».

Однако известно, что переход основной массы чувашей в православие не означал прекращения борьбы против насильственной христианизации. Борьба, пусть в относительно небольших масштабах, например, в Буинском уезде Казанской губернии, продолжалась. Оставались села, в которых сохранилась вера отцов. Думаю, что эта тема не должна оставаться вне поля зрения чувашских историков.

Национальное движение чувашей возникло задолго до Яковлева и проявлялось в форме массовых крестьянских выступлений, которым в книге уделено достаточно много внимания. Таково, например, движение, связанное с требованием чувашей Чебоксарского уезда в 1744 г. замены воеводского управления автономным. В центре его стоял Охадер Томеев. Он, как предполагает автор рецензируемой книги, должен был стать центральной фигурой в этом управлении, которое в дальнейшем, возможно, расширилось бы за счет других уездов. Таким образом мог создаться национально-представительный центр, исчезнувший после утраты чувашской

феодалной знатью «былого значения». С совершенно иных позиций подходит автор к событиям 1842 г., вошедших в историю как Акрамовская война, в которой приняло участие 5–6 тысяч чувашей и марийцев. Это, как справедливо отмечает автор, была отчаянная попытка восстановить «утраченное этническое право на самоуправление».

Столь же масштабным было и сопротивление чувашского крестьянства столыпинской аграрной реформе. С. В. Щербаков доказывает, что реформа вызвала в буквальном смысле социальный взрыв: в годы Первой российской революции произошло около 320 крестьянских выступлений. Причем это было настоящее движение за сохранение сложившихся форм устройства национальной жизни, которое имело не столько экономическую, сколько политическую направленность.

Во многих случаях лейтмотивом выступлений было стремление не допускать постороннего вмешательства в национальную жизнь. Массовое движение акрамовских крестьян осенью 1917 г., превратившееся в боевые действия против солдат, присланных для его подавления, являло собой яркий пример сплоченности и организованности чувашского крестьянства.

Интересны, во многом новы и оригинальны сюжеты книги, посвященные трансформации идеи культурной автономии, особенно в сочетании с принципом территориального самоопределения чувашского народа.

Несколько спорным является вывод автора о том, что чуваша издревле были склонны только к экстерриториальной, а не к территориальной автономии. Он объясняет это хроническими проблемами малопригодности земель и перенаселением Казанской губернии. Дело, разумеется, не только в этом. Чуваша издревле жили в многонациональных государствах и так же, как и татары, удмурты и марийцы, воспринимали их в качестве собственных. Потому многие из чуваш даже после взятия Казани войсками Ивана Грозного, долгое время вели войну за восстановление ханства. В какой-то мере прав историк В. П. Ива-

нов, с которым солидарен С. В. Щербаков, писавший, что «традиции государственности Золотой Орды и Казанского ханства необходимо относить не только к татарскому, но и чувашскому народам» (с. 60).

Вообще взаимная тяга татар и чувашей, вышедших из одного родового гнезда, всегда давала о себе знать. Другое дело, что во все времена чинились препятствия их сближению, находились силы, стремившиеся их противопоставить. С. В. Щербаков указывает на многие из них. Он подробным и самым тщательным образом проанализировал различные проекты и варианты чувашской автономии, сравнил их и сопоставил с проектами самоопределения других народов.

Однако в центре внимания автора — татарско-чувашские отношения. Чувашские подходы к участию в проекте Урало-Волжского штата, Татаро-Башкирской республики (ТБР), рассмотренные в книге, составляют один из компонентов новизны этого оригинального исследования. Известно, что проект Татаро-Башкирской республики был выдвинут в противовес идее штата с тем, чтобы его провалить. А когда замысел был реализован, уже отпала необходимость в ТБР, и ЦК партии запретил вести агитацию в его поддержку. Тем самым право народов на свободное самоопределение было подменено декретированием их прав сверху. Чувашские проекты, самым подробным образом проанализированные С. В. Щербаковым, в которых было немало реального и отвечающего интересам народа, также оказались нереализованными по данной причине.

Автор не вступает в прямую полемику с весьма плодовитым историком В. Д. Дмитриевым, но фактически опровергает многие его утверждения. Для примера возьмем тезис о национальном угнетении чувашей в Казанском ханстве. С. В. Щербаков пишет, что там не было религиозной нетерпимости, и народы, входившие в состав ханства, пользовались широкой автономией в устройстве внутренней жизни. Казанские власти не «давали указания чувашским об-

щинам, как они должны быть внутренне самоустроены». Эти общины имели немало условий в социальной и экономической жизни для того, чтобы воспроизводить и дальше развивать традиционную чувашскую культуру. Прав автор, когда пишет, что власти ханства «интересовало только своевременное исполнение феодальных обязанностей, а не регламентация внутренней жизни чувашских общин». К тому же «некоторая часть сохранившейся чувашской, марийской и удмуртской привилегированной знати входила в состав признанной знати ханства» (с. 60-61).

А вот существовали ли какие-либо льготы для чувашей после падения Казани? Вошла ли какая-нибудь часть знати в состав признанной элиты русского государства? Можно ли назвать хотя бы несколько имен этой элиты в знак благодарности за якобы ту помощь, которую они оказали при завоевании ханства? Может быть, этой благодарностью было насильственное крещение, отречение от веры отцов, изъятие национально-представительных функций привилегированной части чувашской знати и окончательная утрата политических элементов автономии? А ведь во времена ханства чуваша жили компактно, и на их землях не было татар, а с вхождением в состав России появилось много русских сел и русского населения. Не это ли являлось причиной острого малоземелья, того, что душевой надел в четырех чувашских уездах Казанской губернии сократился до 2,5-3,3 десятины земли? Не в этом ли причина беспрерывных выступлений чувашского крестьянства против властей? А ведь таковые не зафиксированы в Казанском ханстве.

В Российской империи, как отмечено С. В. Щербаковым, чуваша испытывали дискомфорт, ибо новая власть игнорировала национальные особенности и традиции культурной автономии чувашей, в стране не было учреждения, которое могло бы защищать их национальные интересы. Абсолютно правомерен вывод С. В. Щербакова о том, что чувашские общины остались один на один в бесперспективном противостоянии региональному православному ду-

ховенству и российскому чиновничьему аппарату (с. 65).

Нет сомнения в том, что утверждения о добровольном вхождении чувашей, башкир и некоторых других народов в Российскую империю во многом натянуты и политизированы. Возможно, придет время, когда все эти сюжеты будут прочитаны по-новому.

Весьма интересен подход С. В. Щербакова к объяснению того, почему чувашаи не стремились к территориальной автономии, к созданию своего государства. Автор пишет, что к началу XX столетия чувашские общины с трудом сохраняли свои традиционные культурные устои, чему причинной была угроза экспансии православия и столыпинская аграрная реформа, направленная на слом общины. В ответ на это появился проект экстерриториальной автономии, который С. В. Щербаков охарактери-

зовал как «проект Алюнова», в создание и реализацию которого много сил вложили такие чувашские деятели, как Д. П. Петров-Юман и Н. В. Никольский.

Суть работы заключается в доказательстве того, что «чувашская община как первичная ячейка и «охранитель» чувашской культуры на протяжении столетий выработала в виде культурной и экономической самоизоляции защитный механизм от культурного воздействия иных этносов» (с. 61).

Новизна и оригинальность исследования С. В. Щербакова не вызывает сомнений. Многие его сюжеты, в том числе относящиеся к истории XX в., не просто познавательны, но и актуальны. Уверен, что исследование будет высоко оценено научной общественностью.

Индус Тагиров,
доктор исторических наук

Приглашение в социализм или Симбирский-Ульяновский край в новейшей истории России

Вы никогда не обращали внимания на то, как работники архивов наблюдают за исследователями, работающими с документами в читальном зале? В их взгляде присутствуют разные чувства: строгость, сочувствие, даже жалость. Архивисты любят свои документы, берегут их, заботятся о них и, главное, знают их содержание лучше любого исследователя. Зачастую недоумевают, почему читатели спрашивают не те документы, которые, по их мнению, лучше раскрывают тему. Мне даже кажется, что архивисты не одобряют исследовательскую практику критики исторического источника. Они так любят подлинные исторические документы, что готовы обижаться на недоверие к их форме и содержанию. Остается спросить: «По-

чему же архивисты сами не пишут книги по истории?»

И вот работники Государственного архива новейшей истории Ульяновской области решили написать на основе документов своего архива историю советского периода региона. Труд посвящен 70-летию со дня основания Ульяновской области, отмечаемому в текущем году. Книга издана с хорошей полиграфией, красивой обложкой, иллюстрирована. Ее открывают приветствия губернатора — Председателя Правительства Ульяновской области С. И. Морозова и Министра искусства и культурной политики Ульяновской области Т. Г. Мурдасовой.

Книга сразу вызывает интерес, поскольку охватывает период советской истории. Противоречивые события это-

